

**А. Мазон
(1917-1984)**

Париж, Франция

Перевод К.Л. Филатовой

**СЛОВОУПОТРЕБЛЕНИЕ:
СЕМАНТИКА И СТИЛИСТИКА**

УДК 81'371

ББК Ш 107

Аннотация. Перевод на русский язык одной из глав знаменитой книги французского слависта Андре Мазона «Лексика войны и революции в России», которая была опубликована в Париже в 1920 году.

Ключевые слова: Словоупотребление; лексика; семантика; стилистика; лингвистическая советология.

Сведения об авторе: Андре Мазон (André Mazon) (Мазон Андрей Альбинович) (1881–1967) – французский славист, профессор, руководитель Института славяноведения в Париже (с 1937), вице-президент Международного комитета славистов (1958-1967).

Сведения об авторе: Филатова Ксения Леонидовна, кандидат филологических наук.

Место работы: Уральский государственный педагогический университет; Орлеанский университет (Франция).

Контактная информация: 620017, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, д. 26, к. 482.

E-mail: ksenya.filatova@gmail.com.

С точки зрения семантики, наиболее удивительными феноменами являются: обновление значения некоторых слов, либо ввиду обстоятельств, либо посредством специализации значения; замена некоторых слов другими в соответствии с общественными или политическими условиями; образование новых сочетаний слов.

Так, война 1914 года вернула в обращение слово *беженец*, которое обозначало укрывающихся от движения войск на западе империи (большей частью польского происхождения, они часто ставили ударение на предпоследнем слоге, бежэнцы, как в польском слове); это существительное сравнительно недавно входит в употребление: в 1876 году оно обозначает славянских беженцев из христианских провинций старой Турции (Словарь русского языка, изданный 2-м отделением Императорской Академии Наук, Сиб., 1891, том 1, кол. 315). Война также возродила и распространила такие забытые или, по крайней мере, заброшенные со времен русско-японской войны термины, как *чемодан* и *воронка*, обычные слова для траншейного арго.

Подобным образом украинское движение возродило старое наименование *сечевики*, Запорожские казаки.

С другой стороны, некоторые старые слова омолодились, получив новое значение. *Брататься*, *братание*, или, с ударением на корень, *брáтаться*, *брáтание*, что обозначало в прямом смысле слова старый крестьянский обычай, означает с начала 1917 года «братание» на фронте между солдатами двух враждующих армий; несомненно, это происходит

**A. Mazon
(1917-1984)**

Paris, France

Translated by X.L. Filatova

**WORD USAGE:
SEMANTICS AND STYLISTICS**

ГСНТИ 16.21.27

Код БАН 10.02.04

Abstract. Translation into Russian of one of the chapters from the famous book “Lexis of the War and Revolution in Russia” by the French Slavist Andre Mazon which was published in Paris in 1920.

Key words: Word usage; lexis; semantics; stylistics; linguistic sovietology.

About the author: André Mazon (Mazon Andrey Albinovich) (1881–1967) – a French slavist, professor, head of the Institute of Slavic studies in Paris (since 1937), vice-president of the International Slavistic Committee (1958-1967).

About the author: Filatova Xeniya Leonidovna, candidate of philology.

Place of employment: Ural State Pedagogical University, University of Orleans.

под влиянием немецкого слова *sich brüdern*, *Brüderschaft*. Слово *фронтовик*, которое в мирные времена обозначало красующегося карьерного военного, строго и неукоснительно соблюдающего правила, как, например, Скалозуб у А.С. Грибоедова, становится почётным наименованием для всех «людей фронта», в противопоставлении тем, кто «остался позади», *тыловикам*. Использование в жаргоне военных слова *летучка* «записка, которая передаётся по эстафете, по летучей почте», с появлением телеграфа и военного телефона если не прекращается совсем, то сокращается, но это слово возрождается с политическим оттенком в значении «листовка, прокламация, краткий текст пропаганды». Слово *почтарь*, ранее означавшее «почтальона на лошади, верхового почтальона», обретает новую молодость в выражении *живые почтари*, «те, кто развозит пропагандистскую литературу по деревням». Слово *шкурник*, которое в прямом значении является названием профессии «торговец необработанными шкурами», становится, наравне со словами *саботажник* и *спекулянт*, одним из самых модных оскорблений революционной эпохи; частотным являлось также устойчивое выражение *шкурный вопрос*. Слово *мешочник*, в прошлом означавшее производителя или продавца мешков, со времени установления большевистского режима обозначает в основном «того, кто незаконно перевозит в мешках продовольственные товары». Слово *самокач*, как говорят, изобретённое императором Александром III и означавшее «велосипедиста»

приобретает значение «расстрельщик», «палач», в силу того что отряд велосипедистов в течение некоторого времени задействовался в исполнении смертной казни.

Революция обрекает некоторые слова на политическую смерть, или, по крайней мере, на дискредитацию. Например, она заменяет словом *милиционер* слово *городовой*, несущее отпечаток одиозности старого режима. По той же причине слово *чиновник* большевики заменяют на *советский служащий*. Они склоняются к тому, чтобы заменить слово *правительство*, которое они, несмотря ни на что, использовали и используют до сих пор (ср.: *рабоче-крестьянское правительство*), на обозначение *советская власть*. Такое словоупотребление не без причины кажется им более престижным. Большевики предпочитают обращение *товарищ* (мужской и женский род), которое потеснило обращения *гражданин* и *гражданка*, унаследованные от февральской революции. Прежние обращения, использовавшиеся в административном языке полиции, трибуналов, официальных актов, стали восприниматься как пренебрежительные, почти оскорбительные: «... что касается слова *гражданин*, то хотя т. Стеклов и является довольно молодым членом нашей партии, ему надо знать, что такое обращение недопустимо в дискуссии с советскими журналистами» (Пр., 5 декабря 1918). Слова *интеллигент*, *интеллигентный*, *интеллигенция* также приобретают в устах большевика некоторый оттенок презрения и оскорбления. То же самое происходит и в лагере противников большевиков: *интеллигентны* не произносят слово *товарищ* без иронически маркированной интонации, они охотно пишут это слово только в кавычках, чтобы подчеркнуть свою недоброжелательность; этот прием отмечал Ал. Блок (Россия и интеллигенция, М., 1918, с. 39). Они же применяют к публичной девке эпитет *федеративная*, который заимствуют из самого названия рабоче-крестьянской Республики Советов: Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика (Р.С.Ф.С.Р.). Установление института большевистских комиссаров, которых отправляли в деревни, чтобы грубо продемонстрировать там силу центральной власти, смешивается для крестьян с неприятными воспоминаниями, оставшимися в памяти деревни от *земских комиссаров*, фискальных агентов времен Петра Великого, и слово комиссар, как и слово фискал, превращается в пугало, страшилку для детей, в ругательство: во время ссоры говорят: «чтоб у тебя комиссар горло перегрыз!» (статья Евг. Лякого в российском журнале, изданном в Гельсингфорсе, Русская жизнь, № 7, 10 марта 1919).

Новые сочетания слов встречаются часто. Приведём несколько примеров: *громкая читальня* «комната для чтения, где отец читает вслух» (Е.А. Звягинцев, Словарь внешкольного образования, М., 1918, с. 26); *домовый коми-*

тет (в разговорной речи – *домовой комитет*), «комитет по дому», установленный при большевистском режиме; *литературный поезд* – поезд-библиотека с пропагандистской литературой, и *литературно-инструкторский поезд/агитпоезд*, «поезд-библиотека, в котором работают пропагандисты»; *делегатский поезд* – «поезд линии Москва – Петроград, к которому крепятся вагоны, зарезервированные для переезжающих чиновников центрального правительства», и *делегатский вагон*, «вагон, зарезервированный для переезжающих чиновников центрального правительства»; *уплотнять дом, квартиру и уплотнение дома, квартиры* – «увеличить плотность жильцов дома, квартиры, разместив там по приказу правительства новых жильцов, вопреки воле собственника или квартиросъемщиков»; *продовольственный диктатор*, «большевистский чиновник по вопросам продовольственных поставок, наделённый исключительной властью»; *власть на местах*, «местные власти» и, чаще всего, «произвол власти на местах».

С точки зрения стилистики, следует отметить изобретение перифразов, отражающее политические условия эпохи; характерное и тенденциозное обозначение некоторых особенностей произношения; формирование нескольких наборов устойчивых клише, которые адаптируются к различным стилистическим регистрам; фиксация определённых формул исторического значения; и наконец, иностранное влияние, которое проявляется в расхожей фразеологии, использующейся в определённых кругах.

Всеобщее воодушевление так обильно подпитало запасы перифразов в русском языке, что вопрос о составлении даже приблизительного их инвентаря не ставится. Достаточно процитировать здесь самые часто используемые эвфемизмы. Фронтовые храбрецы изобрели выражение *сыграть в ящик* (буквально jouer à la boîte, т.е., *рисковать гробом, рисковать жизнью). Тыловики с самого начала войны вежливо назывались *герои тыла*, затем, как было указано выше, *земгусары* и *земгусарики*, «гусары, маленькие гусары из земства». (Немецкий: Drückeberger и Blindgänger; чешский: dekunkuř (от немецкого sich decken) и ulejvák (от глагола ulívati se, вульгарно произносимое как ulejvati se, «прятаться, укрываться»); сербский: забушаит (от глагола забушити).) К концу Временного правительства, в эпоху Учредительного собрания, «социалисты-соглашатели» охотно называют представителей буржуазии очаровательным именем *цензовые элементы* («... цензовые элементы, как начали выражаться в Совете, для того чтобы не употреблять обидного имени буржуазии», Л. Троцкий, Октябрьская революция. М., 1918, с. 50). Этих самых буржуа большевики отдают во власть ярости рабочих под наименованием *каракулевые воротники* и *крахмальные воротнички* (на за-

воде: инженеры, бригадиры, служащие). Бывшая императорская кокарда, которую срывают с фуражек военных, отныне всего лишь *николаевский глазок*. Чешские солдаты австрийской армии также издевательски окрестили свои императорские кокарды *frantík*, «маленький Франц», при старом императоре, *karlík* «маленький Карл», после прихода к власти последнего из Габсбургов.

Новые сторонники партии социалистов-революционеров, которые стали членами партии только после февральской революции, обозначаются прозвищем *мартовские социалисты-революционеры*, а латышские мелкие собственники – кличкой *серые бароны* («... в борьбе против революционного пролетариата объединяются и сливаются непримиримые враги, как, например, немецкие бароны и латышские крестьяне-собственники, так называемые *серые бароны*», Пр., 17 декабря 1918). Крайности революционных обычаев скрываются под прозрачными формулами, такими, как *отправить на митинг* (на языке матросов, топить офицеров), *отправить в штаб Духонина* (т.е. отправить на тот свет, расстрелять), *в конверт и на почту* (т.е. сначала посадить в тюрьму, потом расстрелять), отдавать деньги в земельный банк (буквально: прятать деньги в земле). Названия улиц, где располагается Чрезвычайная комиссия (Чрезвычайка) в Петрограде и в Москве, отныне символически относятся к понятиям тюремного заключения и произвола: «он на Гороховой» или «он на Лубянке» означает, что он является пленником Чрезвычайной комиссии в Петрограде или в Москве. И какие только зверства общественное воображение не приписывает этой самой комиссии, в вежливых терминах: *вырезывать эпoletы*, на живом теле жертв, и *ставить Георгия* – вырезать, в тех же условиях, крест Святого Георгия! Большевики окрестили регион Поволжья, Урала и Сибири *царством учредителей* (Из., 15 декабря 1918).

С другой стороны, общественное злословие, как во времена войны, так и во времена революции, безжалостно интерпретирует двусмысленные аббревиатуры: В.З.С. (всероссийский земский союз): военнообязанные заведомо скрывающиеся (ср. *земаусар*, *земаусарик* и *герой тыла*, указанные выше); или Н.С. партия (народная социалистическая партия): несуществующая партия (известно, что народная социалистическая партия малочисленна); или, в ультраправых кругах (камарилья старого режима), сов. кр. и с. деп. (совет крестьянских и солдатских депутатов) – совет крестинских и собачьих депутатов; или ещё Ч.К. (чрезвычайная комиссия) – чортова коробка; или, наконец, Ц.И.К. (центральный исполнительный комитет), переделанный в И.Ц.К. и произносимый как Ицик, т.е., *Itzig*, Исаак на идиш (ср. центрожд, для обозначения Смольного, с.41, и там же, *прежидиум*).

Особенности произношения, указывая на социальный круг, образование, национальность, создают условия для иронии и тенденциозного переосмысления. Антисемитский юмор проявляется в игре слов: это еврейское произношение слова президиум – *прежидиум* (где звучит слово *жид*); произношение на еврейский манер Шмольный (Смольный Институт). Интернационалистский юмор отмечает вульгарное произношение слова *патриотизм* как *потреотизм* (уже отмеченное в пикантной статье Бодуэна де Куртэне, в Словаре Даля, 3^е издание, III том, кол. 56). По обе стороны баррикад, как в лагере революционеров, так и у контр-революционеров, радостно подхватывают простонародное произношение: Россия – Расея, комиссар – комессар, социалист – сыциалист и особенно совдеп – совдép, из которого контр-революционеры не преминут сделать простонародное ругательство, добавив два слова, чтобы напомнить о самой известной непристойности (совдеп «твою мать»). Также охотно повторяются шуточные искажения слов коммунист и мародёр – камунир (уже упоминавшееся на с. 16) и миродёр (давно уже зафиксированное в Словаре Даля, 3^е издание, III том, кол. 782).

Среди устойчивых клише те, которые относятся к военной эпохе, не представляют большого интереса, потому что они имеют свои эквиваленты в стиле официальных коммюнике и обычной прессы всех воюющих стран: наши храбрые войска, наши славные союзники – эта формула впоследствии иронически подхватывается большевиками и т.д.

В революцию, напротив, последовательно сложились несколько наборов клише, каждое из которых живо знаменует период, к которому относится.

К периоду Временного правительства относятся формулы: вести войну до победного конца (девиз российских сторонников продолжения войны); без аннексий и контрибуций; демократический мир; петроградский гарнизон – краса и гордость нашей революции; Миллюков Дарданельский; углублять революцию. Показательно построение фразы с уравниванием постольку... поскольку, столь характерное для лицемерно тиранической политики Петроградских Советов по отношению к правительству Керенского.

Большевистская пресса с первого же дня Февральской революции широко распространила демагогические клише: *магнаты капитала*, *всемирная бойня*, *вся власть Советам* и *немедленный мир*, *ненасытная свора банкиров*, *помещиков и буржуа* и т.д. Став официальной прессой, она не оставила свой оскорбительный полемический тон, умножив без каких-либо изменений изысканные образцы любезности, будь то в адрес оппозиционных социалистов – *иванушки соглашательства*, *лакеи мирового империализма*, будь то в адрес союзников и их

сторонников: *парижская, лондонская биржа; агенты, наймиты англо-французского капитала* (с сентября 1918 большевики заменяют англо-французский капитал англо-американским капиталом); *величайший из мошенников мирового капитализма Вудро Вильсон; империалистический грабительский мир*.

Именно большевистский режим дал дорогу смягчающим формулам: *стоящие на советской платформе; партийные и сочувствующие; суд масс* (некоторые шедевры официального большевистского искусства были «представлены на суд масс» 1 мая 1918; к тому же, успех формы множественного числа *массы* – это один самых выразительных языковых фактов большевистской демагогии).

Среди этих новых клише некоторые сразу же устанавливаются в статусе исторических слов. Например, наименование Брестского мира, которое ему дал Ленин, – *тяжкий, архи-тяжкий мир*, а с другой стороны, определение, которое дали ему кадеты, – *похабный мир, мужицкий мир*. Сюда же относятся призыв, брошенный Лениным толпе, – *грабь награбленное*; некоторые определения, данные Лениным, как, например, для программы коммунистической партии – *организация насилия*, или для мирного периода, последовавшего за подписанием Брестского соглашения – *передышка*, или для режима Республики Советов, определяемой как *оазис*, или для внешней политики этой республики – *лавировать и ориентироваться на международную революцию*. Показательны обозначения политических тенденций, которые проявились в буржуазных партиях после Брестского мира – *союзная ориентация и германская ориентация*.

Лексикологические объяснения, приведённые выше (с. 16-17), уже продемонстрировали иноязычное воздействие, которое характерно для современной фразеологии, вбирающей со времен войны и особенно в пору революции жаргон бывших политических эмигрантов. Можно отметить такие признаки этого влияния, как, например, тенденция заменять русские выражения *учреждение действует, войти в сношения, говорить лично с кем-нибудь на организация функционирует, вступить в контакт, говорить персонально с кем-нибудь*. Вторжение иностранных элементов особенно чувствуется после октябрьской революции. Слово *секция*, например, широко распространяется в языке муниципальной торговли, так же как и в языке административном: *секция перчаток в магазине, издательская секция В.С.Н.Х., секция*

благородных металлов. Такой публицист как Стеклов, не моргнув глазом, переводит или, верней, транскрибирует на русский *un baiser Lamourette* – ламуреттовский поцелуй (Из., 18 ноября 1918). Провинция наблюдает, как из Москвы приезжают *товарищи с мандатом*, мандатом зачастую совершенно мифическим. Некоторые чиновники Советов пересыпают свои речи германизмами, например: «В каком локале будет сегодня собрание?» (немецкое Lokal), «пройдёт пара дней» или «пара недель» (немецкое ein Paar Tage, Wochen); «я хочу свистеть на это» (ich will darauf pfeifen). Сами лозунги, которые организаторы торжеств по поводу юбилея октябрьской революции написали большими буквами на стенах московских домов, выдают отсутствие у авторов уверенного чутья на русский язык: «религия опиум для народа» (вместо *религия – народу опиум*) и «революция – локомотив истории» (вместо *революция – паровоз истории*, ибо слово *локомотив*, наверняка, непонятно русскому крестьянину). Такое начало большевистской прокламации, вывешенное в Москве – «Не забыл ли ты чего-нибудь?» – как бы безупречно оно ни было с точки зрения русского языка, является всего лишь калькой выражения берлинского или венского лавочника (*Haben Sie nicht etwas vergessen?*).

Если подобные привнесения из-за границы и придают цвет эпохе или обществу, как целый рой галлицизмов, вторжение которых характеризует конец XVIII века, они не становятся ни широко распространёнными, ни устойчивыми. Они достигают лишь совсем небольшой части населения и только на время, ограниченное влиянием моды или режима. Конечно, они оставят относительно немного следов.

Совсем другое дело – некоторые инновации, кажется, внутреннего порядка, ареал распространения которых более широк: всё более и более частое использование «извиняюсь» вместо «извините», возможно, под влиянием польского *przepraszam*; принятие административным языком и официальной прессой неправильной конструкции с родительным падежом («согласно чего...») [Ориенко 1915: 174]; и использование *выявить, выявиться* вместо *проявить себя*: «он выявился» вместо «он обнаружил себя».

ЛИТЕРАТУРА

Ориенко И.И. Словарь неправильных, трудных и сомнительных слов и выражений в русской речи. Изд. 4-е. – Киев, 1915.

© Филатова К.Л. (перевод), 2009